
ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Русская литература

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2025.04.09

ИВИНСКИЙ Д.П.¹ «ТИРАНЫ МИРА, ТРЕПЕЩИТЕ...» ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ОДЕ А.С. ПУШКИНА «ВОЛЬНОСТЬ»[©]

Аннотация. Автор статьи исходит из представления о том, что в кажущемся подчас единым обширным пространстве «общих мест», «топосов», «клише» существует своя иерархия, оформляющаяся по крайней мере в рамках воспринимающего индивидуального сознания: «топосы» остаются общим достоянием, но каждый поэт осуществляет свой отбор и по-своему их комбинирует. Обсуждаемый в статье стих «Тираны мира, трепещите» связывается не столько с «Марсельезой» Руже де Лилия, как это обычно делается, сколько с французской трагедией дореволюционного времени, прежде всего с трагедиями Вольтера «Смерть Цезаря» и «Китайский Сирота» и Корнеля «Смерть Помпея».

Ключевые слова: Корнель; Вольтер; Пушкин; ода; тираны мира; tyrans du monde.

Для цитирования: Ивинский Д.П. «Тираны мира, трепещите...» Из комментария к оде А.С. Пушкина «Вольность» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 4. – С. 143–154. – DOI: 10.31249/lit/2025.04.09

Поступила: 10.07.2025

Принята к печати: 31.07.2025

IVINSKIY D.P.² “Tyrants of the world, tremble...” From the commentary to A.S. Pushkin’s ode *Liberty*[©]

¹ **Ивинский Дмитрий Павлович** – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dmitrij_ivinskij@mail.ru

© Ивинский Д.П., 2025

² **Ivinskiy Dmitriy Pavlovich** – DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dmitrij_ivinskij@mail.ru

© Ivinskiy D.P., 2025

Abstract. The author of the article proceeds from the idea that in the seemingly unified vast space of “common places”, “topoi”, “clis” there is a hierarchy, that takes shape at least within the framework of the perceiving individual consciousness: “topoi” remain common property, but each poet makes his own selection and combines them in his own way. The verse “Tyrants of the world, tremble”, discussed in the article, is associated not so much with Rouget de Lisle’s *Marseillaise*, as is usually done, as with French tragedy of the pre-revolutionary period, primarily with Voltaire’s *The Death of Caesar* and Corneille’s *The Death of Pompey*.

Keywords: Corneille; Voltaire; Pushkin; ode; tyrans du monde.

To cite this article: Ivinskiy, Dmitriy P. “‘Tyrants of the world, tremble...’ From the commentary to A.S. Pushkin’s ode *Liberty*”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2025, pp. 143–154. DOI: 10.31249/lit/2025.04.09 (In Russian)

Recieved: 10.07.2025

Accepted: 31.07.2025

Ода «Вольность», которую В.В. Набоков считал «лучшим стихотворением первых двух десятилетий девятнадцатого века» и «лучшей русской одой» [Pushkin, 1964, v. 2, p. 450; Pushkin, v. 3, p. 68], до начала XX в. печаталась лишь в отрывках (полностью впервые: [Полярная Звезда, 1856, с. 3–6]; в России: [Сочинения Пушкина, 1905, с. 41–44 первой паг.]): в ней говорилось о подлиных обстоятельствах убийства императора Павла I, что фактически означало обвинение его сына и преемника, императора Александра I, именным указом засвидетельствовавшего смерть отца от апоплексического удара, во лжи (подробнее об этом: [Ивинский, 2019, с. 169–172]). В пушкинском кругу отношение к «Вольности» было сдержанным, подчас и негативным (см. письмо А.И. Тургенева к П.А. Вяземскому от 5 августа 1819 г. [Остафьевский архив, 1899, с. 280]), как, иногда, и за его пределами (Ф.И. Тютчев советовал Пушкину «под царскою парчою смягчать, а не тревожить сердца», впервые: [Некрасова, 1887, с. 129]); вместе с тем списки оды получили широкое распространение, в частности в широко понимаемой «декабристской» среде (см. в том числе: [Альтшуллер, Мартинов, 1976, с. 35–46]).

Черновые автографы неизвестны; сохранились две авторские копии и одна авторизованная, а также копии, сделанные современниками в неизвестное время и по неизвестным источникам. По этой причине реконструкция творческой истории оды и ее ин-

терпретация сильно затруднены, как и ее датировка. Обычно считается, что оду следует датировать второй половиной – концом 1817 г. или уже, «1817 г., предположительно ноябрем – декабрем» [Пушкин, 2004, с. 481] именно 1817 г. стихотворение датировано Пушкиным собственноручно на одной из этих копий. Другая версия исходит из того, что эта пушкинская датировка не только не подтверждается из независимых источников, но и противоречит имеющимся сведениям как о ее распространении (первые сведения о том, что у оды появились читатели, относятся к лету 1819 г.), времени, когда последовала реакция властей (весна 1820 г.) и показаниям источников текста (одна из авторских копий и авторизованная сделаны на бумаге с водяным знаком «1818», но содержат ранние варианты, которых не знает копия, подписанная 1817 г.; подробнее см.: [Ивинский, 2019, с. 53–80]. Мы считаем, что ода была написана в ноябре 1818 – январе 1819 г. и представляет собой отклик на решения Ахенского конгресса и попытку покушения на Александра I, которое готовили французские бонапартисты [Ивинский, 2019, с. 90–92].

Но содержание оды прояснено не в полной мере. Так, например, если «расшифровка» четвертого стиха первой строфы («Свободы гордая певица»), в свое время заинтересованно обсуждавшегося советскими пушкинистами, представляется нам возможной: в оде, построенной на историческом материале, вполне естественным и даже предсказуемым оказывается обращение к Клио, которая затем прямо упоминается в десятой строфе («И слышит Клии страшный глас» [Пушкин, 1947, с. 47]; см. об этом: [Ивинский, 2019, с. 81–85]), то старый вопрос о том, кого имел в виду Пушкин, говоря о «возвышенном галле», не имеет простого решения. Наша версия заключается в том, что Пушкин апеллирует здесь одновременно к литературному контексту, оформленному прежде всего произведениями Экушара Лебрена, Мари-Жозефа и Андре Шенье, Руже де Лилия, и к контексту историческому, а в пределах последнего – к судьбе погибшего на костре последнего великого магистра ордена тамплиеров Жака де Моле, послужившей главной темой трагедии Ренуара «Тамплиеры», хорошо известной в пушкинском кругу [Ивинский, 2019, с. 85–89].

Конечно, этим не исчерпывается литературно-исторический контекст оды «Вольность», который мы не можем сейчас воссоздать как хотя бы условно завершенное целое. Данная заметка не изменит ситуацию, тем более что мы намерены обсудить лишь один стих,

вынесенный в заглавие и неоднократно привлекавший внимание комментаторов: «Тираны мира! трепещите!» [Пушкин, 1947, с. 45].

В сравнительно недавнем академическом комментарии со ссылкой на Ю.Г. Оксмана сказано, что этот текст «производит впечатление прямой реминисценции» из «Марсельезы» Руже де Лиля («Tremblez, tyrans!»), но значение этой параллели тут же ограничено указанием на то, что в данном случае речь идет о «широко распространенной формуле французской политической поэзии революционного времени». В качестве иллюстраций приведены более или менее соответствующие текстам Пушкина и Руже де Лиля цитаты из стихотворений Лебрена (вслед за Б.В. Томашевским), Андре Шенье (вслед за А.Л. Слонимским). Кроме того, комментаторы заявили о том, что «близкие формулы» фигурируют «в русской гражданской поэзии (ср. пересказ 12-й строфы “Вольности” Радищева в составе “Путешествия из Петербурга в Москву” <...>) и в ораторской прозе <...>» (со ссылкой на Н.И. Михайлову), а также «у самого Пушкина в “Воспоминаниях в Царском Селе”» [Пушкин, 2004, с. 493–494].

Действительно, вряд ли можно сомневаться в том, что Пушкин в данном случае оперирует одним из общих мест¹. Данный перечень параллелей нетрудно было бы расширить, причем за счет текстов, более близких к пушкинской формуле. Ср., например, в изданной без имени автора и без указания на место издания брошюре: «Tremblez, tyrans... tremblez» [Jugement de Minos, 1791]; ср.: «Tremblez, tyrans du monde» [Journal du Soir, 1793, p. 3]; ровно та же формула: [Nouvelles Politiques, 1793, p. 20]; ср. еще: «Tremblez, tyrans! <...> Tremblez» [Brinkman, 1795, p. 15]; «Tremblez, tyrans!» [Ferru, 1795, p. 201]. Продолжать этот перечень нетрудно, но вряд ли целесообразно: пушкинский текст не содержит никаких указаний на источники.

Но хотя бы только по этой причине мы вправе выйти как за пределы «французской политической поэзии», так и за пределы «революционного времени» и обратиться к более ранним текстам

¹ Указания на широкое распространение словосочетания «тираны мира» имеются во французский литературе начала XIX в., ср. например: «Les deux traucteurs ont employé la belle expression de *ravisseurs* du monde, à laquelle d'autres ont préféré l'expression commune et moins énergique “d'usurpateurs, de tyrans du monde”» [Ferri, 1811, t. 2, p. 376]; курсив в источнике; перевод: «Два переводчика использовали красивое выражение *похитители* мира, которому другие предпочли расхожее и менее сильное выражение “узурпаторы, тираны мира”».

и авторам, творчество которых Пушкин хорошо знал, а в отдельных случаях и внимательно изучал. В их числе окажется, например, кардинал герцог Ришелье [Richelieu, 1738, t. 1, p. 140–141] или, если вернуться к изящной словесности, Мальфилатр [Malfilatre, 1805, p. 39]. Но если задаться целью назвать по-настоящему влиятельного и при этом постоянно присутствовавшего в литературном сознании Пушкина поэта, то это, без сомнения, Вольтер.

В его трагедии «Смерть Цезаря» («*La Mort de César*» [1731]) находим именно интересующую нас формулу, которая позднее попадет в «Марсельезу», а возникла и получила распространение задолго не только до нее, но и до Вольтера:

Rome, mes yeux sur toi seront toujours ouverts;
Ne me reproche point des chaînes que j'abhorre.
Mais quel autre billet à mes yeux s'offre encore!
«Non, tu n'es pas Brutus.» Ah! reproche cruel!
César! *tremble, tyran*, voilà ton coup mortel.¹

[Voltaire, 1785–1789, t. 2, p. 363] (курсив здесь и далее мой).

Единственное отличие от текста Руже де Лиля – число: у него множественное, здесь, как видим, единственное. Но вольтеровский контекст для оды, в которой обсуждаются и осуждаются два цареубийства, Людовика XVI и Павла I, и звучит предупреждение о новых, не менее, а скорее всего более важен, чем французский революционный, не говоря уже о том, что было бы немного странно цитировать «Марсельезу» и одновременно объявлять гильотинированного французского короля «мучеником».

Теперь напомним, что в пушкинском тексте упомянуты не просто «тираны», но «тираны *мира*», что несколько отдаляет его от лилевского. Но и эта формула находит соответствие у того же Вольтера, в трагедии «Китайский сирота» («*L'Orphelin de la Chine*» [1755]):

¹ «Рим, мои глаза на тебя всегда открыты; не упрекай меня за эти цепи, которые я сам ненавижу. Но что в другой записке моим глазам предназначено? “Нет, ты не Брут!” О! жестокий укор! Цезарь! трепещи, тиран, вот твой смертельный удар». – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод мой.* В переводе предпушкинского времени: «Нет, Рим! мои глаза на тебя всегда открыты; не укоряй меня за сии оковы, я и сам их проклинаю. Но что там еще я вижу? “Нет, ты больше уже не Брут”. О жестокой выговор! Трепещи, Цесарь, трепещи тиранн! вот твой смертельный удар!» [Вольтер, 1777, с. 25]; то же: [Вольтер, 1787, с. 24].

Vous seule adouciriez le destin des vaincus.
Dans nos calamités, le Ciel qui vous seconde,
Veut vous opposer seule à ce *tyran du monde*.¹

[Voltaire, 1785–1789, t. 4, p. 376]

«Китайский сирота» (русский перевод: [Вольтер, 1788]), в отличие от «Смерти Цезаря», ставился в Петербурге [Заборов, 1978, с. 45], что не означает меньшей известности последней. «Смерть Цезаря», как мы только что видели, была переведена на русский язык [Вольтер, 1777; Вольтер, 1787]; см. также: [Заборов, 1978, с. 43, 164–165], как и источник ее текста [Шекспир, 1787], и прочно вошла в предысторию убийства Павла I [Заборов, 1978, с. 82], а история заговора против Цезаря постоянно находилась в историческом сознании Пушкина (напомним хотя бы: «Вот Кесарь, где же Брут?» [Пушкин, 1947, с. 311]) и его современников (см. в том числе статью П.А. Вяземского «Наполеон и Юлий Цезарь», в которой упоминается и Вольтер, впервые: [Вяземский, 1836]).

В какой мере трагедия могла ассоциироваться с французской революцией, вопрос открытый, по крайней мере применительно к России вообще и к Пушкину и его литературно-общественной среде в частности. Во Франции же такого рода параллели были если не общим местом, то вполне распространенным явлением. Ограничимся одним примером. Вот не подписанная журнальная заметка, касающаяся одной из постановок «Смерти Цезаря» и достаточно ярко показывающая характер ее восприятия в 1793 г., здесь для нас представляющая дополнительный интерес, поскольку в ней, точнее в уже не вольтеровской «концовке» пьесы, обнаруживается интересующая нас формула в полном виде и точно соответствующая пушкинскому тексту («*Tremblez, tyrans du monde*»).

Spectacle patriotique.

La société des amateurs a donné dimanche dernier au public la mort de César, tragédie de Voltaire, et les folies amoureuses, comédie de Regnard. Nous avons vu avec satisfaction que le zèle de tous les membres de cette société si utile, se soutient et s'augmente même chaque jour. Empressés à prositer des observations judicieuses qu'on

¹ «Ты только можешь облегчить судьбы побежденных. / В наших несчастьях Небо, что поддерживает тебя, / Одну тебя захотело противопоставить сему тирану мира».

leur fait, ingénieux à trouver les moyens de plaire à leurs concitoyens, et de servir en meme temps la chose publique; infatigables dans l'exécution de leurs projets, ils s'acquièrent de plus en plus des titres à l'estime publique par leur zèle, par leurs talens et par leur sensibilité envers les malheureux. Nous avons dit que leur spectacle seroit très-utile pour former l'esprit public, et ils vérifient notre assertion. Dans la mort de César, les aristocrates et compagnie s'attendoient à applaudir la harangue d'Antoine en faveur du tyran massacré par les conjurés; mais les acteurs, trop patriotes pour ne pas changer un dénouement aussi peu compatible avec les circonstances, ont laissé ces messieurs avec un bon pied de nez, en terminant la pièce par la tirade suivante de Casius qui a été applaudie.

Que la haine des rois et de la tyrannie
Suscite des vengeurs à la terre asservie.
Le moment est venu de finir à-la-fois
Les longs malheurs du monde et les crimes des rois;
Qui monte sur un trône outrage la nature,
Et c'est un saint devoir de venger cette injure.
Déjà de toute part les trônes ébranlés,
S'écroulent sous les pieds des despotes troublés.
Tremblez, tyrans du monde, à l'aspect de vos crimes,
Nous allons vous punir et venger vos victimes;
En enfonçant ce fer dans le cœur d'un tyran ,
Nous offrons à vos yeux un présage effrayant.
La liberté bientôt étendant ses conquêtes,
Va fouler à ses pieds vos insolentes têtes,
Et vous n'emporterez, en quittant l'univers,
Que l'horreur des humains affranchise de vos fers.¹

[Spectacle, 1793, p. 227]

¹ «Патриотический спектакль.

Общество любителей в прошлое воскресенье представило публике “Смерть Цезаря”, трагедию Вольтера, и “Безумства любви”, комедию Реньяра. Мы с удовлетворением увидели, что усердие всех членов этого весьма полезного общества сохраняется и даже усиливается день ото дня. Стремясь извлечь пользу из сделанных им справедливых замечаний, изобретательные в поиске способов угодить своим согражданам и в то же время послужить общественному благу; неумолимые в осуществлении своих замыслов, они приобретают все больше прав на общественное признание своим рвением, своими талантами и своим сочувствием к обездоленным. Мы сказали, что их постановка станет весьма полезной для становления общественного мнения, и они подтвердили наше мнение. На представлении “Смерти Цезаря” аристократы и компания ждали монолога Антония, в котором выражалось сочувствие тирану, убитому заговорщиками,

От Вольтера и французского театра революционной эпохи перейдем к более раннему времени: «тираны мира» обнаруживаются и у Корнеля, которого, напомним, Вольтер внимательно изучал и издавал со своими комментариями. Речь идет о трагедии «Смерть Помпея» («*La Mort de Pompée*», 1644):

Abattons sa superbe avec sa liberté;
Dans le sang de Pompée éteignons sa fierté;
Tranchons l'unique espoir où tant d'orgueil se fonde,
Et donnons un tyran à ces tyrans du monde.¹
[Corneille, 1817, t. 4, p. 181]

намереваясь встретить его аплодисментами. Но актеры, слишком патриотично настроенные, чтобы не переделать развязку, столь несовместимую с современными обстоятельствами, оставили этих господ с носом, завершив пьесу следующей тирадой Кассия, которая была встречена аплодисментами:

Пусть ненависть королей и тирании
Пробудит мстителей в стране рабов.
Настало время положить конец
Долгим несчастьям мира и преступлениям королей,
Что восходят на трон, оскорбляя природу,
И святой долг – отомстить за это оскорбление.
Уже со всех сторон шатаются троны,
Рушатся под ногами испуганных деспотов.
Дрожите, тираны мира, за ваши преступления
Мы унизим вас и отомстим за ваших жертв.
Вонзая это железо в сердце тирана,
Мы представляем вашим глазам пугающее пророчество.
Свобода, умножающая свои победы,
Растопчет ваши наглые головы,
И вы заберете с собой, покидая вселенную,
Только ужас людей, освободившихся от ваших цепей.

Об этом тексте: [Ritaud-Hutinet, 1988, p. 250–251]. Попутно зафиксируем еще одну переключку с пушкинской одой: в ней тиран именуется «стыдом природы», здесь упоминаются короли, оскорбляющие ее («*Qui monte sur un trône outrage la nature*»).

¹ «Сокрушим его превосходство свободой, / В крови Помпея утопим его гордость, / Отсечем надежду, в которой столько чванства, / И дадим тирана этим тиранам мира». Ср. в переводе Я.Б. Княжнина: «Нисторгнем гордость ту с свободою его; / Разрушим вольности последнюю надежду; / Дадим тирана мы сему тирану мира» [Корнель, 1775, с. 10].

Этим мы здесь намерены ограничиться, несмотря на то, что французская трагедия дает еще немало материала для наблюдений над распространением «тиранов мира»¹ и, как мы видели, не только трагедия. Но для нас важнее, что в кажущемся подчас единым обширным пространстве «общих мест», «топосов», «клише», как обычно бывает в подобных случаях, существует своя иерархия, оформляющаяся по крайней мере в рамках воспринимающего индивидуального сознания: «топосы», конечно, общее достояние, но каждый поэт осуществляет свой отбор и по-своему их комбинирует. Вполне естественно, что обсуждаемая нами «пушкинская» формула, в которой нет ничего оригинального и авторство которой, вероятно, неисследимо², побуждает вспомнить о поэтах, которым Пушкин придавал особое значение; в первую очередь это относится, повторим, к Вольтеру. Данное обстоятельство требует более пристального рассмотрения вольтеровских подтекстов оды «Вольность», причем не только литературных, но и идеологических. Но это предмет отдельной работы.

¹ Укажем еще только на два текста. Первый – знаменитая трагедия Бернара Жозефа Сорена (Bernard-Joseph Saurin, 1706–1781) «Спартак» («Spartacus», 1760), неоднократно ставившаяся в России: «Soyons les bienfaiteurs, non les tyrans du Monde» [Saurin, 1769, p. 9]; перевод: «Будем благодетелями, а не тиранами мира». Второй – менее известная трагедия Андре Филиппа Тардьё (André-Philippe Tardieu de Saint-Marcel, 1752–1834) «Катон из Утика» («Caton d'Utique»): «Et que chacun de nous, le prenant pour modèle, / Voue aux tyrans du monde une haine éternelle» [Tardieu, 1796, p. 34]; перевод: «И что каждый из нас, приняв его за образец, / Клянется вечно ненавидеть тиранов мира».

² «Тираны мира» на ранних этапах своего бытования во французской литературе связаны преимущественно с религиозно-богословским контекстом (см. в том числе: [Inchino, 1610, p. 137; Du Jarry, 1696, t. 2, p. 77]; более близкий Пушкину и его окружению источник с вариациями формулы: [Fenelon, 1810, t. 3, p. 181 («le monde tyrannique»), 314 («des tyrannies du monde»), 426 («la tyrannie du monde»)]); в справочных изданиях обнаруживаются не позднее начала XVIII в. (в том числе: [Simon, 1703, t. 2, p. 62]). Сохраняет ли ода «Вольность» этот контекст как значимый, отдельный вопрос; во всяком случае она не чужда религиозно-мистический проблематики, причем наиболее очевидным образом выдвигается на первый план именно там, где звучит признание в ненависти к неназванному тирану («Самовластительный Злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу <...>») и варьируются некоторые библейские мотивы («Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостию вижу») [Пушкин, 1947, с. 47]; комментарий: [Пушкин, 2004, с. 498].

Список литературы

1. Альтишудлер М.Г., Мартынов И.Ф. «Звучащий стих свободы ради...». Очерки о читателях декабристской поры. – Москва : Книга, 1976. – 119 с.
2. [Вольтер.] Трагедия Смерть Цесарева. В трех действиях / С Французского на Российский язык переведена Артиллерии К<апитаном> В<асилием> И<евлевым>. – Санкт-Петербург : При морском шляхетном кадетском Корпусе, 1777. – 67, [1] с.
3. [Вольтер.] Трагедия Смерть Цесарева. В трех действиях / С Французского на Российский язык переведена Артиллерии К<апитаном> В<асилием> И<евлевым>. – Издание второе. – Москва : В Типографии Компании Типографической, 1787. – 71 с.
4. [Вольтер.] Китайский Сирота. Трагедия. Господина Вольтера / Переведена с французского <Василием Нечасвым>. – Санкт-Петербург : При Государственной Военной коллегии, 1788. – 84 с.
5. В.<яземский П.А.> Наполеон и Юлий Цезарь // Современник. – 1836. – Т. 2. – С. 247–266.
6. Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX века. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1978. – 246 с.
7. Ивинский Д.П. Пушкин и его время. – Москва : Р. Валент, 2019. – 319 с.
8. [Корнель, Пьер.] Смерть Помпеева, трагедия. Петра Корнелия / [пер. Я.Б. Княжнина]. – [Санкт-Петербург : Типография Академии Наук, 1775.]. – [4], 92 с.
9. [Некрасова Е.С.] Альбом С.Д. Полторацкого, 1820–1852 / Сообщ.<ила> Е.С. Некрасова // Русская Старина. – 1887. – Т. 56, кн. 10. – С. 127–144.
10. Остафьевский архив князей Вяземских. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1899–1913. – Т. 1 : Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым, 1812–1819 / издание графа С.Д. Шереметева ; под ред. и с прим. В.И. Сaitова. – 1899. – IV, 728 с.
11. Полярная Звезда на 1856 <год,> издаваемая Искандером. Книжка вторая. – Издание второе пересмотренное автором. – London : Trübner & Co., 1856. – [5], X, 281 с.
12. Пушкин [А.С.] Полное собрание сочинений : в 17 т. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1937–1959. – Т. 2, ч. 1. – 1947. – 607 с.
13. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 т. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – Т. 2, кн. 1. – 739 с.
14. Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии Наук. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1905. – Т. 2. – XXII, 260, 528 с.
15. [Шекспир Уильям.] Юлий Цезарь, Трагедия Виллиама Шекеспира / [пер. Н.М. Карамзина]. – Москва : В Типографии Компании Типографической, 1787. – 136 с.
16. [Brinkman N.C.] Le Triomphe de la Liberté, par N.C. Brinkman, Veuve de C. van Streek. – Amsterdam : Chez M. Schalekamp, [1795]. – [2], VII, 131, [1] p.
17. [Corneille P.] Œuvres de P. Corneille, avec les commentaires de Voltaire. – Paris : Chez Antoine-Augustin Renouard, 1817. – Т. 1–12.

18. [Du Jarry.] Essais de Sermons, pour les Dominicales et les Mysteres. Contenant trois Desseins pour chaque sujet. Avec des Sentences choisies de l'Ecriture Sainte, & des Peres de l'Eglise, pour chaque Discours, traduites en François. – Paris : Chez Denys Thierry, 1696. – Т. 1–2.
19. [Fénelon F.] Œuvres complètes de François de Salignac de La Mothe Fénelon, Archevêque-Duc de Cambrai, Prince de Saint-Empire. Nouvelle édition, mise dans un nouvel ordre, revue et corrigée avec soin, précédée d'un Essai sur la personne et les écrits de Fénelon, et suivie de son Eloge historique, par La Harpe. – Paris : Chez Briand, Libraire, 1810. – Т. 1–10.
20. [Ferri J.L.] Rudimens de la Traduction, ou L'Art de traidure le Latin en François. Ouvrage élémentaire, precede d'une Notice sur les Traductions et Autres Latins. Par J.L. Ferri de S<ain>t-Constant, Recteur de L'Académy d'Angers. –Seconde édition, revue, corrigée et augmentée. – Angers : Chez Fourier-Mame, Libraire ; Paris : Chez Arthus Bertrand, Libraire : Nicoolle, Libraire : Lenormant, Imprimeur-libraire, 1811. – Т. 1–2.
21. Ferru J.J. L'Hymne Parisien // L'Esprit des Journaux, François et Étrangers. – 1795. – Т. 3. – P. 200–202.
22. [Inchino G.] Les Divines voyes du ciel, sermons admirables du R.P. Don Gabriel Inchino, Chanoine Regulier de Latran. Oeuvre singulier et docte, nouvellement fait Italien par l'Auteur, et traduit en François par R.P.F. Jean Blancone Tolozaïn, Religieux du grand Convent de l'Observance de Tolose. Troisième edition <...>. – Paris : Chez Adrian Pérrer, 1610. – VIII, 280 p.
23. Journal du Soir sans Reflexion et Courrier de Paris, des Departamens, et des Frontiers Réunis. – 1793. – № 327. – 4em. jour du 3eme. mois de l'an 2eme. de la République Française.
24. Jugement de Minos, ou Mirabeau aux Enfers. – [S.l.] : [s.n.], 1791. – [2], 26 p.
25. [Malfilatre J.Ch.L. de Clinchamp] Œuvres de Malfilatre, Seule Édition Complète, precedes d'une Notice Historique et Littéraire. – Paris : Chez Léopold Collin, Libraire, 1805. – XXIII, 240 p.
26. [Pushkin A.S.] Eugene Onegin, a novel in verse by Aleksandr Pushkin. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov : in 4 vol. – New York : Bollingen Foundation, 1964. – (Bollingen Series LXXII).
27. Nouvelles Politiques Nationales et Étrangères. – 1793. – № 5. – 25 Novembre.
28. [Richelieu A.] Testament politique D'Armand du Plessis, Cardinal Duc de Richelieu, Pair Et Grand Admiral de France, Premier Ministre du Conseil d'Etat sous le Règne de Louis XIII. Roi de France & de Navarre, Commandeur des Ordres de Sa Majesté, Evêque de Lusson, Con-fondateur & Bien-faiteur de la Maison & Société de Sorbonne. – Amsterdam : Chez Henry Desbordes, 1738. – Т. 1–2.
29. Ritaud-Hutinet J. Des tréteaux à la scène. Le théâtre en Franche-Comté du Moyen âge à la Révolution. – Besançon : Cêtre, 1988. – 349 p.
30. [Saurin B.J.] Spartacus, Tragédie, par M.<onsieur> Saurin, de l'Académie Française. Représentée pour la première fois par les Comédiens Française ordinaires du Roi, le 20 Février 1760. – Nouvelle Édition, revue & corrigée. – Paris : Chez la V. Duchesne, Libraire, 1769. – XVI, 72 p.
31. [Simon H.] Le Grand Dictionnaire de la Bible, ou Explication littérale et historique de tous les mots propres du Vieux et Nouveau Testament, avec la vie et les actions des principaux personnages tirées de l'Écriture et de l'histoire des Juifs, celles des

- Patriarches, et des Souverains Sacrificateurs <...>. Enrichi d'une Introduction à l'Écriture sainte et d'une Chronologie sacrée, par Mre Simon <...>. – Lyon : Chez Jean Certe, 1703. – T. 1–2.
32. Spectacle patriotique // La Vedette, ou Journal de Département du Doubs, par une Société de Républicains, Amis de L'Humanité, des Sciences et des Arts. – 1793. – № 28. – P. 227–228.
33. [*Tardieu de Saint-Marcel A.Ph.*]. Caton d'Utique, Tragédie en trois actes et en vers, Représentée pour la première fois à Paris, sur le Théâtre de la République, le 27 germinal de l'an IV. Par A.<ndré> Ph.<ilippe> Tardieu <de> Saint-Marcel. – Paris : Chez Barba, Libraire, IV <1796>. – [4], 34 p.
34. [*Voltaire.*] Œuvres complètes de Voltaire. – [Paris] : De l'Imprimerie de la Société Littéraire-Typographique, 1785–1789. – Vol. 1–92.